

фантазии и понять возможность интереса к рассказу о вымышленных событиях.

На первых порах эта новая потребность удовлетворялась старыми средствами, она вызвала оживление интереса к таким устаревшим уже формам прозы, как волшебный и рыцарский роман. Произведения эти привлекали заведомо вымышленным характером сюжета, что в новой литературе, после разрушения средневекового «летописного» сознания, сделалось одним из условий эстетического восприятия текста.

Прежде чем был найден новый путь, путь к плутовскому роману — вымышленному повествованию о действительности, автор просто соединял две уже знакомых ему прозаических традиции: галантно-рыцарский роман и плутовскую новеллу. «История о королевне Анне» — пример именно такого решения вопроса: перенесение действия в Португалию, типичные для рыцарского романа детали — любовь во сне или любовь по портрету (ср. любовь по портрету в очень близкой по художественной структуре «Повести о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии»).¹⁵ Подобная попытка синтеза встречается и в печатной литературе. Так, у М. Чулкова в «Пересмешнике, или Славянских сказках» история плута-студента Неоха переносится в фантастическую обстановку древнего Новгорода и вымышленной Винетты. Вообще, весь «Пересмешник» представляет попытку синтеза плутовского и рыцарски-фантастического повествования.

В этом смысле особое удобство представляло перенесение действия в Испанию и Португалию — страны, связанные для читателя середины XVIII в. одновременно и с традицией плутовского, и с рыцарским романом.

Показательно обилие в литературе тех лет произведений с указанием — часто фиктивным — на испанское или португальское происхождение. Кроме названной выше «Повести о гишпанском дворянине Карле», можно было бы назвать, например, появившийся в 1763 г. роман «Любовный вертоград, или непреоборимое постоянство Камбера и Арисены» с пометой «перевел с португальского на Российский язык государственной Коллегии иностранных дел переводчик Федор Эмин». Указание на испанский оригинал содержит и загадочная, но весьма интересная повесть, появившаяся в Москве в 1796 г. — «Странные приключения Дмитрия Магушкина, российского дворянина, описанные им самим на испанском языке, с которого переведены на немецкий, а с сего на российский язык».¹⁶

Таким образом, новонайденная «История о португальской королевне Анне и о гишпанском королевиче Александре» не только пополняет список известных нам до сих пор рукописных повестей XVII—XVIII в., но и позволяет сделать некоторые наблюдения над закономерностями развития этого жанра.

Текст публикуемой «Истории» находится в сборнике из собрания И. А. Шляпкина (№ 181.318) в библиотеке Саратовского университета. Сборник размером в пол-листа, без переплета, написан на толстой синей бумаге отчетливой скорописью конца XVIII в., 43 л. Водяной знак: герб Ярослава и буквы ЯМВСЯ. На первом листе сверху черными чер-

¹⁵ См.: П. Н. Берков и В. И. Малышев. Новонайденное беллетристическое произведение первой половины XVIII в. («Повесть о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии»). — ТОДРА, т. IX. М.—Л., 1953, стр. 408—426.

¹⁶ В 1753 г. в Германии появился немецкий текст этого романа. Основываясь на этом и на искажении в тексте русских фамилий, Сиповский заключил, что перед ним — перевод немецкого произведения с псевдорусским сюжетом и, как неоригинальное, исключил его из рассмотрения. Анализ текстов заставляет нас предположить, что немецкое издание — перевод русского рукописного текста, который был в дальнейшем снова переведен на русский язык.